

Николай Иванович Спиридонов — Тэки Одулок

«Даже среди ярких можно найти наиболее яркие. Таких самых выдающихся своих сородичей юкагиры испокон веков называли халичаччи. И самым популярным из них является писатель, печатавшийся под псевдонимом Тэки Одулок, ученый Николай Иванович Спиридонов».

Улуро Адо, юкагирский поэт

Нунну

*Памяти первого юкагирского (одульского) писателя
Николая Спиридонова—Тэки Одулока.*

Смерть--недолгая разлука
Умерев, живет одул
В правнуках своих и внуках.
Тот, кто умер, лишь уснул
Ненадолго; есть поверье,
Что бессмертен юкагир:
Постоит чуть-чуть за дверью
И опять вернется в мир.
И таким бессмертным Нунну
Стал наш Тэки Одулок,
И поют, поют, как струны
В книгах Тэки -- сотни строк
Горд народным он призна-
нием,
Край лежит пред ним родной

С ярким северным сияньем
И Полярною звездой.
Для одула--юкагира
Одулок не умирал.
И пленяет пассажира
Кобальт, сурик и металл:
Стае могучим теплоходом,
С алым флагом на корме,
Под полярным небосводом
Он плывет по Колыме,
Смерть взяла, а жизнь--вернула.
Далеко летит гудок.
Это Нунну--сын одулов,
Это--Тэки Одулок.

1977. Леонид ПОПОВ.

Тэки Одулокка

Отут биир эрз сыл кыһына
Одулок, эн сылааскар иттибит,
Отут биир эрз сыл сайына
Оһуорун эйиэхэ тэлгэппит.
Ол эрэн, кырдьар сааска да диэри
Кыаллыбаты эн айбыккын!
Аймахтаргын--укээгирдэри
Аатырдыаххын аатырлыккын!
Аны биһиги айанныбыт,

Адъас сатамат--хааларбыт!
Эйигиттэн--убайбытыттан
Элбэги айар багаттан...
Эдэр булчукка ага булчут
Этэр эбээт: «Хамп кудуччу!»
Тэки, эн итинник этэгин--
Тиэтэйэн, инники иһэгин...

Степан Дадаскинов тылбааһа

Тэки Одулоку

Очень мало ты жил, Одулок...
Лишь тридцать зим и одна
Смиряли снега у твоих ног.
И грелась теплом задушевных строк
Лишь тридцать и одна весна...
И все же, ты успел на Земле совершить
Такое, чего не смог
И тот, кому было отпущено жить
Более долгий срок!
Идти целлюной созидательных дней,
Высокому ритму работы рад,
Сородич твой нынче идет быстрее,
Чтоб в жизни успеть совершить своей
Больше, чем ты--его старший брат.
Очень мало ты жил, Одулок...
Но и за тридцать с немногим лет,
Пламенем вдохновенных строк
Ты род юкагиров прославить смог.
Я славой этой--согрет...
Как старший охотник, ты--впереди.
Я слышу лыж твоих легкий шарк.
Веди нас, опытный брат, веди.
Пусть слов твоих эхо стучит в груди:
«Шире держите шаг...»

Тэки Одулок. Жизнь и творчество.

(к 90-летию со дня рождения)

*Д.И.Наумова, учительница Нелемнинской
средней школы Верхнеколымского улуса.*

22 мая 1996 года исполняется 90 лет славному сыну юкагирского народа Николаю Ивановичу Спиридонову (Тэки Одулоку).

Ныне здравствующий юкагирский поэт, ученый, общественный деятель Улуро Адо 10 лет назад, в день 80-летия старшего собрата по перу, так сказал о нем: «Тэки Одулок стал первым человеком, который громко заявил о нашем народе. Его творчество оказало большое влияние на развитие не только юкагирской литературы, но и на развитие литературы всех народов Севера». Общественная значимость творчества Т. Одулока подтверждается хотя бы тем, что он, по свидетельству Н. Д. Садовниковой, около 30 лет проработавшей в Ленинграде в Детгизе, «был первый человек с высшим образованием не только среди юкагиrow, но и среди всех малых народов Севера»(1).

С. Н. Горохов, доцент Якутского государственного университета, в статье «В научном поиске» подчеркивает научную направленность трудов юкагирского ученого, который в 1934 году «успешно защитил диссертацию на тему «Торговая эксплуатация юкагиrow», став кандидатом экономических наук, первым из советской Якутии. Далее С. Н. Горохов пишет: «За свою недолгую жизнь--всего 32 года--он создал ряд ярких художественных произведений: «Жизнь Имтеургина--старшего» (1934г.), «Имтехай у собачьих людей» (1937г.), географически-этнографический очерк «На Крайнем Севере» (1933г.). В 1937 году закончил книгу «Жизнь Имтеургина--младшего» объемом в 334 стр. машинописи...

«Жизнь Имтеургина--старшего» еще при жизни писателя выдержала три русских издания, была переведена в Англии, Чехословакии и Франции. Таким образом, Т. Одулок является первым советским северянином, произведения которого зарубежный читатель прочел уже в 30-х годах...(2)

В настоящей работе о жизни и деятельности Тэки Одулока использованы статья И. И. Николаевой «Творчество Тэки Одулока. Истоки формирования юкагирской литературы»(3), а также выше указанные статьи Н. Д. Садовниковой, С. Н. Горохова, работа В. И. Иохельсона «По рекам Ясачной и Коркодону»; статьи самого Т. Одулока «Одулы Колымского округа»(4), «Продолжаю свой удавшийся опыт» (выступление на совещании редакционных работников 16 апреля 1937 г. в Москве)(5), а также материалы по реабилитации Н. И. Спиридонова и др.

В 1906 году, 22 мая в одной из юкагирских семей, жившей в селе Нелемное Верхнеколымского района на берегу реки Ясачная, родился 11-ый ребенок--мальчик, которого назвали Ньюка (Николай).

В статье «Одулы Колымского округа» Тэки Одулок дает такие сведения о родной реке: «Чаходан-дие-унунгие» (Ясачная)--река, имеющая в длину около 400 км. Эта река известна тем, что по ее длине кочуют древнейшие из всех существующих в Восточной Сибири народностей--

одулы (юкагиры).

...В этом районе главным селением является «Нелемное», расположенное при слиянии р.р. Ясачной и Рассохи. Здесь четыре жилых помещения и два пустующих. В каждом жилом помещении обитают по два и по три семейства. Всего 40 человек обоего пола...

...Природные богатства велики, добывают их одулы во множестве, ценность их велика, но тем не менее одул всегда голоден, плохо одет и унижен. (6)

О своих родителях Т. Одулок пишет мало. Во вступлении к повести «Жизнь Имтеургина--старца эго» читаем: «Отца моего звали Атыляхан-Иполун, он был юкагир из рода Чолгородие, то есть заячьих людей.

В детстве я бродил вместе с семьей по лесным долинам реки Ясачной и ее притокам в поисках охотничьей добычи. Но так как у отца моего не было огнестрельного оружия, охота нас кормила скудно, и мы часто голодали. »

И, естественно, тяжела была судьба матери, которая по словам сына, «сотни километров исходила пешком и на лыжах за мужем--охотником. Мать несла на себе весь домашний скарб, малых детей и мясо убитых зверей--олений и лосей. Не раз она--моя мать--рожала прямо на снегу, в глухой пустынной тайге, надорванная тяжелой звериной жизнью. Не случайно же из 11 детей нас осталось только 4.

В те времена прибавление семейства, тем более, рождение мальчика было связано с большими расходами--родители с каждой мальчишеской головы должны были платить ясак, размеры которого никем не устанавливались. Ясак взимался по принципу «брати с них... по сколько будет мочно». Сколько хотели, столько и требовали, угрожая физической расправой. А в семье Спиридоновых и без Нюки уже 8 сыновей. И эти налоги совершенно обездолили и без того полуголодную семью. Еле сводя концы с концами, часто недоедая, дружно жила многочисленная семья Спиридоновых.

Но не за горами была и беда. Когда Нюке было лет 5-6, семью постигло большое горе: утонули во время рыбалки старшие дети--Настасья и Николай, которые были кормильцами семьи, ее надеждой и опорой. Это случилось на Прорва.

Прорва является родовым местом для юкагиров. В.И.Иохельсон так описывает это место: «7 августа 1895 года я в собственном карбасе поднялся из Верхнеколымска, там, где в р.Ясачную впадает рукав Колымы, называемый Прорвой...»(7)

А Тэки Одулок пишет: «Общенациональное собрание или собрание всех племен были в начале июня, в местности shagadebs--»прорва», недалеко от устья реки Ясачной. Весной, как только все реки освобождаются от льда, кончая работу по лодочному строительству, собрав всю зимнюю и весеннюю добычу (шкурки пушных зверей), спускаются с вершин разных притоков Колымы, с места, где провели весну, на лодках и плотках до устья, а затем вниз по Колыме до устья р.Ясачной...»(8)

И. Николаева рассказывает о судьбе семьи Спиридоновых, что после

этой трагедии им пришлось идти по людям, детей постарше отдали по разным хозяевам, а Ньюка остался при родителях. В те времена им пришлось хлебнуть много горя: годами не снимали оленьих кухлянок, питались корой с деревьев, в лучших случаях — бутугасом, жили в деревянной яранге, где свободно гулял холодный северный ветер.

7-8 лет родители отдали Николая богатому звену в Нелемное, в надежде, что он выживет. Совсем еще ребенком стал Ньюка батраком, познал все тяготы батрацкой жизни, унижения.

В скором будущем хозяин продал Ньюку русскому купцу, а тот через некоторое время — якутскому купцу. Об этом периоде своей жизни Н. И. Спиридонов вспоминал так: «Каждый день я возил для хозяев из лесу дрова на собаках и носил им воду из реки. Я топил печи, чистил хотон — хлев, кормил собак, чинил собачью упряжь, мял коровьи кожи на подошвы и собачьи шкуры на одежду. Работал с утра до ночи, спал на полу, в кухне без постели и одеяла, никогда не умывался и совсем не знал белья. Облезлая оленья рубаха и оленьи штаны, надетые на голое тело, были единственной одеждой в течение многих лет подряд.»

Когда Ньюка жил у русского купца, хозяин заметив смешиленность мальчика, решил сделать из него священнослужителя и по совету местного священника отдал его в церковно-приходскую школу. Ньюка учился там недолго, но успел выучиться грамоте. Как только находилась свободная минута, Николай занимался или чтением, или письмом. Бумаги не было, и он ухитрялся писать на бересте. Он до того увлекался этой нелегкой работой, что переставая замечать все вокруг себя, не слышал зова... Вот как вспоминает об этом сестра писателя Акулина Ивановна Софронова: «Как-то мы выехали рыбачить на заимку. Он (Николай) сделал себе отдельный шалашик и пропадал там целыми днями, много читал и писал. Чтобы позвать его рыбачить или пить чай нам приходилось идти за ним, так как криков он не слышал. Когда приходили за ним, он бывал весь поглощен чтением, работой. Но вот он повернется, улыбнется и с веселым смехом бежит к нам».

Во время гражданской войны хозяин Николая, якутский купец, сделался хорунжим в войсках у белых. И Николай, отданный ему в батраки, вынужден был работать на него. Но это был уже не темный, забитый мальчик, а юноша, который начал понимать жизнь и ее беды, понял, где друзья и враги. Он стал членом Коммунистического Союза Молодежи и гордился этим званием.

Когда белые были изгнаны из тундры, юношу направили на учебу. По дороге в Якутск, на Индигирке, он попал в плен, его бросили в тюрьму, не поили, не кормили, требовали показать дорогу к красным, перейти на сторону белых... Но ответом было молчание.

Мысль о побеге ни на минуту не покидала его, и, улучив удобный момент (а это случилось только через одиннадцать месяцев плена), Николай ушел на лыжах в лес. Только выучка охотника, закалка коренного северного человека и, конечно же, большое стремление к свободе, жизни помогли Николаю перенести дорожные мытарства, голод, холод, ночев-

ки под открытым небом и добраться до Якутска.

Об этом эпизоде жизни Н.И.Спиридонова рассказала его сестра А.И.Софронова: «Он (Николай) заметил лыжи, воткнутые в снег, и вечером, когда стемнело, попросился выйти на улицу. Быстро встал на них (лыжи) и под покровом темноты подался по целине в лес, и поминай как звали. Шел голодный, изможденный. На его счастье он нашел несколько куропаток в петлях, которые немного подкрепили его. Николай дошел до ямской станции, он весь предрог, устал. Его мучила жажда, и он глотал снег. Он зашел в избушку, где жили старик со старухой. Его встретили вопросами: «Откуда? Кто такой?» Когда он сказал, что осматривает петли, его накормили и предложили остаться ночевать. Он, остерегаясь, что будет погоня, поблагодарив стариков, встал на лыжи и продолжил свой нелегкий путь в сторону Якутска».

Совсем по-иному сложилась жизнь Николая в Якутске: желанная, оттого увлекательная учеба в Якутской светско-партийной школе; успешное окончание школы, вступление в члены партии и направление в Ленинградский университет. Как это много и так ответственно для выходца из народа, не имевшего даже письменности, народа забитого, обреченного на медленное вымирание.

Ленинград встретил Спиридонова радушно, стал для него как бы второй родиной. Потом он неоднократно сюда возвращался, но, конечно, самое яркое, ошеломляющее впечатление получил он в первый раз.

Первые два года учебы пролетели незаметно: университет, библиотека, книги, учебники, общение с сокурсниками и преподавателями.

...В 1927 году стало известно об организации научной экспедиции на Колыму. Николай попросился в эту экспедицию, где проявил свои незаурядные способности будущего ученого, умение собирать материал, анализировать и обобщать. По итогам командировок на Колыму, а затем и на Чукотку были написаны этнографические очерки, изданные в Ленинграде под названием «На Крайнем Севере».

Вот что представляла в то время его родина. «...Но вот юкагирское село Нелемное... На высоком берегу расположилось несколько рубленых избушек с плоскими крышами, обросшими, так же, как и в Верхнеколымске, травой и мхом. Население - около 100 душ.

В каждой избушке приютилось по 2-3 семейства. Юкагиры легкие, слегка смуглые, стройные, подвижные, вечно улыбающиеся, веселые, беспечные люди, в легких меховых рубашках, плотно сидя-

щих на плечах, крепко подпоясанных лосиными ремнями.

Женщины и девушки одеты в меховые кафтаны. Спереди они опускаются ниже колен медными колечками и серебряными бляшками. Женщины ходят легкой, присущей только лесным жителям походкой, и все украшения на них позвякивают, точно журчи весенний ручеек...»

В 1928 году Николай вернулся в Ленинград для продолжения учебы и в 1931 успешно закончил этнографическое отделение Ленинградского университета. Эти годы стали годами не только занятий в университете, но и долгих раздумий о судьбе своего юкагирского и других малых народов Севера. Потом они--эти думы--выльются в художественные произведения, научные статьи а пока это--и боль сердца, и бессонные ночи, и тревожные вечера ... В 1931 году Николай Иванович стал аспирантом Института народов Севера. Будучи аспирантом, он поехал на Чукотку в составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома для организации Чукотского национального округа, где пробыл 7 месяцев. «Сначала жил в Анадыре, потом выехал в бухту Креста, Провидения, Лаврентия, заезжал и в другие чукотские селения. Затем побывал у чукоч (чукчей), которые живут по берегу Берингова моря к югу от Анадыря. Таким образом, побывал в всех крупных пунктах Чукотии (Чукотки), ознакомился с жизнью чукоч, как береговых, так и тундренных» (9).

Успешно закончив теоретический курс аспирантуры, в мае 1934 года при Институте народов Севера Н.И. Спиридонов защитил диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук.

О ленинградском периоде Николая Ивановича вспоминает его сын Николай Николаевич Спиридонов-Шатунов: «Первый раз я запомнил отца, когда он только что вернулся из экспедиции с Севера. Это было в 1934 году. После приезда его у нас, в доме стали появляться новые интересные вещи, на стене повесили большущие оленины рога с разветвлениями и отросками. В углу приспособили кожаную боксерскую грушу. А в коридорчике, рядом с обувью, улеглись две пары коньков.

С появлением отца жизнь в доме резко изменилась. Часто стали приходиться гости: земляки-студенты Института народов Севера и другие. В почтовый ящик больше стало поступать газет и журналов. В том числе и для меня приходили газета «Ленинские искры» и журнал «Чиж».

Отец с утра всегда садился за работу и целый день писал. В его комнате все стены были заняты полками с книгами. Иногда он вставал из-за стола, входил в общую комнату, подходил к печке и долго стоял, смотрел на огонь и молчал. Потом также молча возвращался и садился за стол.

После защиты диссертации отец стал совмещать научную работу с литературой. В это время к нам стали приходиться писатели Г. Гор,

С.Маршак, В.Бианки, К.Золотовский. Как раз в это время получила известность его повесть «Жизнь Имтеургина--старшего», а однажды пришел к нам А.Н.Толстой и подарил свой только что вышедший «Хлеб» в красном переплете»(10).

В 1934-35 годах Н.И.Спиридонов работал секретарем Аяно-Майского райкома партии, затем--заведующим национальным сектором Хабаровского правления Союза писателей, а в июне 1936 года уехал в Ленинград. В годы культа личности Н.И.Спиридонов был необоснованно репрессирован...

Здесь мы прерываем изложение биографии Тэки Одулока по статье И.Николаевой: хотим познакомить читателей с материалами реабилитации юкагирского ученого.

...Тогда еще существовали аппараты КПСС. Секретарем по идеологии райкома партии работала Москвина Галина Степановна. Именно она, наш районный депутат, по наказу избирателей-юкагиров сумела связаться с контрольно-ревизионной комиссией Ленинградской областной организации КПСС, получить документ, восстанавливающий доброе имя нашего земляка.

По приговору суда от 7-8 января 1938 года были признаны виновными 9 человек, в том числе Спиридонов Николай Иванович, по статьям 58-2, 58-6, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР и приговорены к расстрелу. Им было предъявлено обвинение в том, что «они являлись активными участниками контрреволюционной деятельности с японскими разведывательными органами; вели подготовку к вооруженному восстанию против Советской власти с целью отторжения Дальневосточного края от Советского Союза; осуществляли шпионскую деятельность в пользу Японии...»

Вот что ответило Управление КГБ СССР по Ленинградской области непосредственно Москвиной Г.С. письмом от 8.10.1990 г. за № 10/18-11-15045: «На Ваш № 90 от 5 сентября 1990 года сообщаем Вам сведения, имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области о юкагирском писателе Спиридонове Н.И., необоснованно репрессированном в г. Ленинграде в 1938 году...

... Арестован 30 апреля 1937 года Управлением НКВД по Ленинградской области по ложному обвинению в том, что он "в 1927 г., проживая в г. Хабаровске, был завербован в японскую контрреволюционную шпионско-повстанческую организацию. Собирал и передавал для японской разведки шпионские сведения. Проводил контрреволюционную работу по подготовке кадров для активных повстанческих действий против советской власти во время войны Японии с СССР. Проводил контрреволюционную пропаганду", т.е. по статьям 58-6, 58-2, 58-11 УК РСФСР. В предъявленном обвинении виновным себя признал. 8 января 1938 года Спиридонов Н.И. был приговорен Военным трибуналом Ленинградского военного округа к высшей мере наказания. 16 марта 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР после пересмотра дела вышеуказанный приговор оставила в силе.

Приговор был приведен в исполнение в городе Ленинграде 17 марта 1938 года.

Как установлено, жертвы репрессии 30-40-х годов и начала 50-х годов, имевших место в г. Ленинграде и области, с июля 1937 года захоранивались на "Левашовской пустоши" - под Ленинградом (пос. Левашово Выборгского района г. Ленинграда). В настоящее время указанное место захоронения по решению исполкома Ленгорсовета объявлено мемориальным кладбищем и там начато производство работ по благоустройству и увековечению памяти жертв сталинских репрессий.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР № 00148/38 от 29 октября 1955 года Спиридонов Н.И. реабилитирован посмертно, за отсутствием в его действиях состава преступления.

В ходе проведенной дополнительной проверки по его делу установлено, что оно строилось на основании противоречивых показаний обвиняемого, полученных противозаконными методами. Лица, причастные к фальсификации следственных дел указанного периода, были осуждены в уголовном порядке

Начальник Подразделения УКГБ
СССР по Ленинградской области

А.Н.Пшеничный"

С момента репрессии Н.И.Спиридонова до его реабилитации в 1955 году прошло около 20 лет, в течение которых его имя было предано забвению. Наверно, мы никогда не сумеем прочесть повесть "Жизнь Имтеургина-младшего", хотя она была закончена и принята к печати журналом "Пионер"; не сумеем, наверно, познакомиться с его основным научным трудом -- диссертацией "Торговая эксплуатация юкагиров", за которую он был удостоен ученой степени; незнакомы некоторые его научные работы.

Для многих поколений читателей Тэки Одулок известен прежде всего как автор повести "Жизнь Имтеургина -- старшего"

Л.Чуковская пишет: "Лаконично, скупое, с чисто северной сдержанностью написана вся книга Одулока. Немногословные ее герои, немногословен и автор. Чем более драматично и напряженно положение, тем меньше слов употребляет автор и тем тяжелее, весомее, тем содержательнее каждое слово... В этой полунемоте -- выразительность, сила, глубина человеческих страстей: любви

и

и ненависти (11).

Читателям известно, что такого мастерства он добился не сразу. Наоборот, он сначала стал писать, назовем, "общепринятым" популярным стилем общеобразовательной советской школы, т.е. обычным русским языком, соблюдая соответствующую стилистику. Для чего? Он думал, что такой текст будет доступен всем.

На эту его ошибку сумел указать основной его наставник С. Маршак.

Об этой школе наставничества над языком художественного произведения пишет Н.Д. Садовникова:

"Первый вариант повести автору совсем не удался... По всей вероятности Спиридонов опасался, что своеобразное мышление юкагиров окажется чуждым русскому читателю, особенно юным, и он старался видеть описываемое глазами русского человека. Вот тут-то и крылась ошибка. Талантливый редактор, редактор-художник, редактор-экспериментатор Маршак уловил это, понял, в чем дело. Ведь рассказчик Спиридонов -- удивительный: в его устных рассказах все зримо, объемно, а в рукописи тускнеет. И Маршак предложил работать над повестью заново таким способом: Николай Иванович будет рассказывать о жизни героя повести, думая при этом по-юкагирски. Тэки Одулок повел рассказ медленно-медленно, стараясь передать мысли и чувства юкагиров в ритме, который больше соответствует северной природе, жизни обитателей этого сурового края, почти первобытному мышлению юкагиров той поры. А редактор записывал. Эксперимент дал главное -- тональность повествования. За этим последовал синтаксис и своеобразная лексика. Далее автор работал самостоятельно и удачно завершил повесть.

Это было накануне 1 съезда писателей Союза ССР. Был объявлен конкурс на лучшую книгу для детей.

Первую премию получили Маршак и М. Ильин. А вторые премии 4 молодых автора, в том числе Тэки Одулок.

Н. Садовникова пишет:

"В центре повести тяжелая судьба охотника-оленовода, чукчи Имтеургина. Русские купцы совсем его разорили. Он остался в тундре без оленей. Наступил голод. Чтобы спасти семью, Имтеургин вынужден пойти в батраки к богачу Эрмечину -- мерзавцу, подлецу, убийце старшего сына Имтеургина.

Автору блестяще удалось передать образ мыслей

Имтеургина и описать его жизнь. Хочется привести такой эпизод из повести. Имтеургин пасет оленей. Под снегом лед, очень трудно из под него доставать мох. Имтеургин обошел стадо вокруг, поковырял палкой под снегом и сказал:

- Крепкий лед. Как вы себе ногти не сломаете?

Сказал и сам испугался. Имтеургин сел на землю и тоже начал копать снег. Он разгребал снег руками и кричал:

- Я олень! Я вожак! Я снега не боюсь, обезножья -- болезни не боюсь. Вот какой я олень!

Потом посмотрел на оленей и громко сказал:

- Олени мои льда не боятся. У них ногти железные, рога медные, глаза-оловянные. Обезножье -- болезнь далеко бежит. Вот! Яккаем!

Он вытащил из-за пояса длинный нож, поднял его над головой и закричал еще громче:

- Убью! Забодаю! Волка заколю, обезножье зарежу, чесотке брюхо распорю! Вот! Лучше уходите, моих оленей не трогайте!

Потом сказал тихо, про себя:

- Теперь я всех духов прогнал".

В той же статье "Тэки Одулук" Н.Д.Садовникова рассказывает, как она, разбирая детгизовский архив 30-х годов, совершенно неожиданно наткнулась на выступление Н.И.Спиридонова на творческом совещании Детгиза в Москве. Состоялось оно в апреле 1937 года. (Вспомним материалы реабилитации: Н.И.Спиридонов был арестован 30 апреля 1937 года). Выступление горячее, партийное, принципиальное, проникнутое любовью к своему маленькому по численности народу с такой трудной судьбой. Какой это был пламенный оратор, трибун! (12).

Отдавая дань памяти Н.И.Спиридонову, не побоявшемуся с такой речью выступить буквально за несколько дней до ареста, приведем его выступление в том виде, в каком оно дошло до нас.

15-16 апреля 1937 года в Москве в Детгизе состоялось большое совещание редакционных работников с активом писателей и художников Москвы и Ленинграда. В совещании принимали участие работники ЦК ВЛКСМ, в ведении которого находилось тогда издательство. Вопросы были разные: о тематике детских книг, о повышении художественного уровня литературы, о творческой обстановке в издательстве, о взаимоотношении между редакторами и писателями. Говорили о том, как жизнь отражается в литературе и т.д.

Выступали писатели Москвы и Ленинграда, редакторы Детиздата, работники газет и журналов, представители ЦК комсомола. Среди выступающих были К.Паустовский, А.Гайдар, Н.Заболоцкий, А.Слонимский, Б.Ивантер, Л.Успенский, В.Шкловский и др. Выступал и Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок). Его выступление было горячим, партийным по направленности, принципиальным, проникнутым любовью к Родине и к своему маленькому по численности народу.

Стенограмма хранится в архиве Ленинградского Дома детской книги.

ТЭКИ ОДУЛОК

«Продолжаю свой удавшийся опыт»

Выступление на совещании редакционных работников.

...Первый вопрос, это вопрос о партийности в литературе и особенно в детской литературе, которая призвана воспитывать миллионы наших детей, и причем детей не только столицы, где ребята обучаются не только на письме, но и другим путем, но и детей наших окраин. Ведь вы не забывайте, что наш Советский Союз очень обширен, имеет много национальностей, причем целый ряд народов (...) находится в самых разнообразных условиях, которые сложились исторически. (...) Люди (...) начинают только вставать на ноги, здесь партийность должна быть до конца выдержана, должна быть совершенно четкой политической линия в детской литературе.

На Севере у нас до последнего времени было просто неблагополучно. Еще в 1925 году, когда организовывался Комитет Севера при ВЦИКе, еще в то время много людей твердили, что северные народы--это, так сказать, совершенно обособленные народы, и поскольку они отстали на много веков--они не могут прийти к социализму.

Когда эта штука была разбита и Север был советизирован, и там был построен фундамент социализма, тогда люди ударились в другую сторону--говорили, что северяне--очень советские люди, но в силу своего происхождения, поскольку они кочевники, поскольку они оленеводы--не могут воспринять тяжелую индустрию, не могут работать в области социалистической индустрии, и, следовательно, индустрию туда давать нельзя.

В связи с этим перекликались многие писатели, не детские

писатели, они говорили, что на Север наша тяжелая индустрия проникает как нечто чужеродное. Я имел в виду по этому поводу сказать много, но так как это писатели не детские, то я воздержусь.

В 1934 году, когда моя книга «Жизнь Имтеургина--старшего» находилась еще в типографии, я был командирован партией на Дальний Восток, там пробыл в северных районах два года и в прошлом году примерно в это же время вернулся. Этот год я работаю, продолжаю свой удавшийся опыт. Этот опыт есть не только мой лично, а этот опыт есть доказательство правильности политики партии и в области национального строительства, и в области социалистического строительства на Севере.

Если бы время позволило, я рассказал бы, как Советская власть на Севере организуется, как строит социализм. Одна маленькая характерная деталь--встретил там человека, который в мешочке носил кусочек собственной кишки, которую ему вырезали. Он ездил по всей тайге, показывал всем эвенкам этот кусочек кишки и говорил: «Вот какие хорошие советские врачи, они спасают человека от смерти, самую скверную вещь вырезали». После этого нашим советским врачам отбоя не было. Дело дошло до того, что какой-то старик, чтобы попасть к врачу, отрезал себе кончик пальца и пришел к врачу: вылечи мне эту штуку. И потом этот кончик пальца он возил по всей тайге (аплодисменты).

В 1931 году, когда мы приехали на Чукотку, организовался округ, мы ввели первые кочевые школы. В тундре очень скучно, и кочевая школа возила радиоприемник с громкоговорителем. Чукчи первое время--определенная группа--вели борьбу с этим громкоговорителем, а через него и борьбу со школой. Были случаи, когда палатку оцепляли вооруженные люди и шамана посылали обследовать, что это за штука и почему орет во все горло. А потом, когда этот громкоговоритель заговорил на местном языке--передача окружного центра--и чукчи услышали из этой трубки речь на своем родном языке правду о Советской власти, они перестали враждебно относиться к этому рода культуре. Вот как наша советская культура проникает на Север. (...)

В 1926 году на Чукотке, между прочим, нашли местного чукотского царя. Он имел родословную, восходящую ко временам Екатерины, имел вот такой длинный кафтан с собольим воротником, имел нагрудной знак, 18 тысяч оленей, 50 пастухов и человек 10 придвор-

ного штата. Жил в трех домах. Один дом—кожаный для обслуживающего персонала, один меховой—это его присутственное место и третий—личные апартаменты—на шести санях лежали волчьи шкуры, а дальше медвежьи, лисьи, песцовые, подушки. Ему надо было кочевать по тундре, он забирался в дом, пастухи запрягали 20 оленей и возили его. И этого чукчу обнаружили в 1926 году. Этаким человек (если можно сказать человек) так наказывал своих пастухов. Если первый раз провинишься—он брал большую голову сахара—20 фунтов и заставлял эти полпуда сахара съесть—грызть зубами, даже топора не полагалось. Во второй раз он давал котелок, наполненный солью (такое же количество), ложку и заставлял есть. Его практика была пригласить людей, дать по убитому оленю и устроить состязания, кто больше съест. Его обнаружили, раскулачили, а потом встал вопрос, что с ним делать—убить его или сослать? Но дальше Чукотки не сошлешь. Его решили использовать в качестве помощника пастуха. Пастухи, пока настоящих условий для труда не было, жили в снежных ямах, и этот царек перекочевал в снежную яму и в ней жил, его заставили работать. Вот каким образом туда проникает и организуется советская власть. (...)

В порядке подготовки к 20-летию Октябрьской революции, помимо той книги, которую я вчера уже закончил (речь идет о книге «Жизнь Имтеургина—младшего»), я даю и по своей последней поездке в Арктику 1934-35 г.г. книгу рассказов о том, как Советская власть организует там новую жизнь. Кроме этого, я уже закончил работу по истории юкагиров. Юкагиров было много, а до Октябрьской революции их осталось 396 человек. (...) А за последние несколько лет юкагиров стало около 700. Мне хотелось показать, каким образом царское правительство уничтожило целую народность».

Еще раз напомним, что ровно через две недели после этого выступления его арестовали.

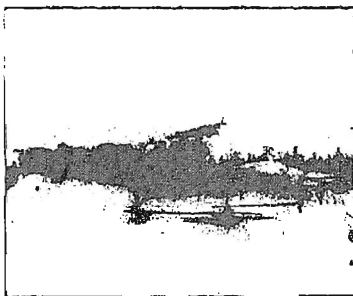
Современный северовед, ученый-лингвист, журналист Вячеслав Огрызко в статье «Неизвестный Север» пишет: Лихо прошелся по северянам 37 год. Была арестована значительная часть преподавательского состава Ленинградского института народов Севера. В эпоху предвоенных репрессий погибли исследователь удэгейцев В.Шнейдер, первый юкагирский писатель Тэки Одулок (Н.Спиридонов), незадолго до своего ареста выступивший с серь-

езными обвинениями в адрес ученых, директор института Я.Алькор (Кошкин), другие североведы. Многие этнографы и лингвисты в это время оказались в лагерях...» (13)

Закончить описание творчества Тэки Одулока хочется словами Н.Садовниковой: «Я верю, что будут еще созданы о нем и героическая поэма, и психологическая повесть, и написан умный, горячий сценарий для фильма. Верю, очень верю...»

Примечания

1. Садовникова Н.Д. Тэки Одулок //Полярная звезда. №3. 1986. С. 67.
2. Горохов С.Н. В научном поиске //Полярная звезда. №3. 1985. С. 111.
3. Николаева И.И. Творчество Тэки Одулока. Истоки и формирование юкагирской литературы //Литература народов Севера Якутии. Сб. науч. трудов. Якутск, 1990. С. 58.
4. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа //Советский Север. №5. 1930. С. 166.
5. Тэки Одулок. Продолжаю свой удавшийся опыт //Полярная звезда №3. 1986. С. 69-70.
6. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа //Советский Север. №5. 1930. С. 187.
7. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. СПб., 1898. С. 85.
8. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа //Советский Север. №5. 1930. С. 200-201.
9. Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина--старшего. Якутск, 1987. С. 21.
10. Шатунов Н.Н. Что я помню об отце //Советская Колыма. 1966. 13 мая.
11. Чуковская Л. Об одной забытой книге //Сибирские огни. 1959. С. 178.
12. Садовникова Н.Д. Тэки Одулок //Полярная звезда. №3. 1986. С. 68.
13. Огрызко В.В. Неизвестный Север //Слово народов Севера. №1. 1994.

*Оттур-Кель. Современный вид.
Здесь жила семья Спиридоновых.*

Я хорошо помню Тэки Одулока, его мать и отца. Жили они тогда в Оттур-Кюеле. Мне было примерно 10 лет тогда, когда он приехал к родителям. Это был очень красивый юноша, круглолицый, веселый и общительный. На нем был удлиненный костюм черного цвета с поясом, с пуговицами, очень хорошего покроя.

... Когда он уезжал, устроили проводы в доме у Бессоновых. Собралась вся родня. Накрыли стол. Стол был очень богатый, было много различных блюд: хаяк (чошон), керчях (сбитые сливки), строганина и т. д.

... На следующий день он уехал. Все его целовали, прощались с ним. Мать его сильно плакала: «Когда теперь я тебя увижу?..» Он, попрощавшись, вновь и вновь возвращался к ней и, целуя ее, приговаривал: «Не плачь, мама, я скоро вернусь.»

Больше он не приезжал.

Мать умерла, так и не дождавшись возвращения сына.

М.Н.ДЬЯЧКОВА, современница Тэки Одулока

Хорошо помню Тэки Одулока. Знал его близко, был у него проводником... Из Оттур-Келя он поехал учиться в Ленинград. А когда приехал оттуда, очень обрадовался, увидев меня. Попросил: «Поедем со мной в Коркодон. Будешь у меня проводником». Я согласился...

Поехали мы из Нелемного в Коркодон через Шаманкино... В пути Тэки Одулок много писал, расспрашивал обо всем. Часто останавливал оленей, вскакивал с саней и начинал фотографировать.

Г.П.ШАДРИН, современник Тэки Одулока.

*Акулина Ивановна Спиридонова --
сестра писателя*

Мы были очень бедны. Нас было 11 детей, из них 9 мальчиков. Когда рождался мальчик, родители платили обязательный ясак (абугэ), сумма которого не определялась, в основном брали пушнину, угрожая розгами. Эти налоги обездолили нашу полуголодную семью.

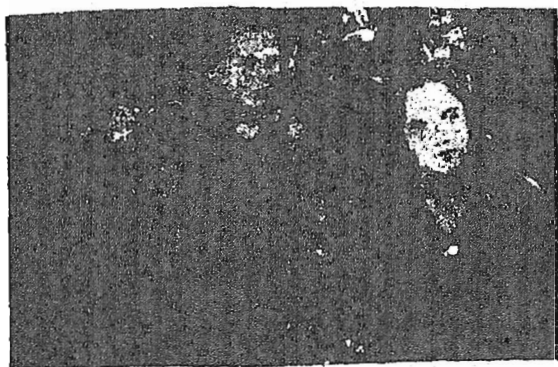
Из воспоминаний А.И. СПИРИДОНОВОЙ.

*Эльга Николаевна
Спиридонова,
жена*

*Шатунов--
Спиридонов Н.Н.,
сын*

Тэки Одулок с семьей

Отец с утра всегда садился за работу и целый день писал. В его чате все стены были заняты полками с книгами, а письменный стол стоял возле единственного окна.

Из воспоминаний ШАТУНОВА Н.Н.

Николай Иванович написал и сдал в печать книгу «Жизнь Имтеургина--младшего». Издательство «Молодая Гвардия» эту книгу приняло в апреле 1937 года, от издательства имеется квитанция. Были напечатаны гранки, я сама их читала. Отдельные главы этой книги печатались в журналах, например, «Имтехай у собачьих людей». Таким образом, книга была не только написана, но и сдана в печать, однако рукопись затерялась. Я пыталась эту книгу разыскать, но безрезультатно.

Из воспоминаний жены писателя.

Таким он был...

Знаю Николая Ивановича с 1927 г. Он поселился в нашей квартире в Ленинграде, когда был студентом Ленинградского государственного университета. В этом же году его направили на Колыму в составе экспедиции.

Возвратившись в Ленинград, много работал над кандидатской диссертацией, а также писал книгу «На Крайнем Севере» и «Жизнь Имтеургина-старшего». Опубликовал ряд работ: «Юкагиры», «Юкагирский язык» в первом издании Большой Советской Энциклопедии, несколько журнальных статей, имеющих научно-познавательную ценность. В журнале «Советский Север» была напечатана его статья «Одулы (юкагиры) Колымского округа». В этих работах он писал о срочных мерах по переводу юкагиров к оседлому образу жизни.

Он изучал иностранные языки. Работоспособность у него была необыкновенная. Ему хотелось все знать, все уметь. Имел твердое расписание дня. В определенные часы приходили к нему преподаватели иностранных языков, редакторы книг, сам уходил на консультации с руководителями диссертации. Он всегда был занят. Выходных дней, каникул у него не было.

Он любил спорт, находил время зимой покататься на коньках (стадион им. Ленина был около нашего дома). На лыжах по реке Ждановке, по островам ходил, особенно ему нравилось, если идет снег, метель. Летом на даче в деревне охотился, удил рыбу. Считал, что необходимо уметь пользоваться моторной лодкой, автомобилем, интересовался радиотехникой. Дома готовился и ходил сдавать какие-то зачеты по этому делу.

Ходили мы в театр, на концерты, выставки. Мне не приходилось

знать другого человека с такой одержимостью, жадностью к знаниям. Хорошо рисовал, мог починить любой хозяйственный предмет, например, часы, сделать табуретку, стол, сшить сыну ботинки. Был крепким, ловким, никогда не болел, говорил в шутку, что никогда не умрет, будет долго, долго жить. Был очень добрый, отзывчивый, смелый, всегда вступался за слабого. Говорил правду прямо, не боялся никого. Добивался, чтобы справедливость восторжествовала. Доверял людям, но если видел обман, хитрость, то сердился, вспылчив был, но быстро это проходило.

В 1929 году я вышла за него замуж. В 1930 г. родился сын у нас Николай, которого он очень любил. Сама я окончила Ленинградский институт им.Герцена и преподавала химию в институте им.Крупской.

Вскоре Николай Иванович опять уехал в экспедицию на Чукотку. Возвратившись в Ленинград, он продолжал свою научную и литературную работу. Издали его книги «На Крайнем Севере» и «Жизнь Имтеургина-старшего». Книга «Жизнь Имтеургина-старшего» получила первую премию жюри под председательством Максима Горького, который дал хороший отзыв о книге. Она была издана за рубежом.

Николай Иванович переписывался и дружил со многими журналистами. Я не помню все имена. Из Франции ему через Внешторг журналисты послали пишущую машинку «Олимпия». Ее привез Михаил Кольцов. В 1934 г. Николай Иванович защитил кандидатскую диссертацию, получил звание кандидата экономических наук. Стал работать над докторской диссертацией и писать книгу «Жизнь Имтеургина-младшего».

В 1934 году весной его снова отправили работать на Чукотку. Николай Иванович хотел нас с сыном взять с собой. Но ребенок заболел скарлатиной. Ехать было нельзя. Мы с сыном остались в Ленинграде. Я заплакала, что опять одни остаемся, а Николай Иванович мне сказал: «Я коммунист, партия мне дороже всего. Куда пошлют, туда и поеду».

В 1936 г. он вернулся в Ленинград и сдал в печать свою книгу «Жизнь Имтеургина-младшего». Ее приняло издательство «Молодая гвардия», которое было в Ленинграде. Имеется расписка. Дата: апрель 1937 г. Отдельные главы этой книги печатались в журнале «Пионер». Гранки книги я сама читала, но почему-то настойчиво

пишут, что Николай Иванович только собирался писать книгу. А он ее сдал в печать.

У нас была большая библиотека, было немало книг с автографами писателей. Например, Бруно Ясенский подарил книгу «Человек снимает кожу», В. Шишков -- роман «Угрюм-река», А. Толстой -- книгу «Хлеб», несколько книг подарил В. Бианки. Сами мы тоже ходили к ним. Бывали у профессора В. П. Тан-Богораза, Николай Иванович помог ему в создании книг «Союз молодежи» и «Воскресшее племя».

К нам приходило много людей, среди них писатели и ученые. Особенную заботу Николай Иванович проявлял о своих земляках-северянах. Учил их, как и что есть, одеваться, держаться. Самые частые гости были студенты из Института народов Севера. Сам Николай Иванович мечтал о том времени, когда на родине будет жить и работать. Мне тоже советовал больше учиться, чтобы на его родине учить людей.

Последний раз он был дома 30 апреля 1937 года. Уходя, сказал: «Через три дня я буду дома». Но мы его больше не видели.

Николай Иванович был очень честным, скромным, доброжелательным человеком. Настоящий коммунист был. Он мне как-то сказал: «Ты не обижайся, что я не привожу подарков. Я мог бы привезти мех тебе, но нельзя. Мех -- валюта, а наша страна еще бедная, и наши женщины не имеют права их носить».

Таким он был человеком.

О. Н. Спиридонова

Второе издание, 1955 год.

Первая часть моей книги рассказывает о жизни тундренных людей--чукч Колымского округа--лет за 15-20 до революции. Я описываю жизнь оленевода и охотника Имтеургина--старшего--отца главного героя дальнейших частей повести. Вторая часть книги рассказывает о том, как Имтеургин--младший живет в батраках у русских поречан. Третья часть--жизнь Имтеургина--младшего у якутов. В последних частях я расскажу о революции на Севере, о том, как младший Имтеургин попал в Ленинград, как он там учился и как сделался, наконец, одним из строителей советского Севера...»

Тэки Одулок.

Л. Сейфуллина об отношении М. Горького к повести «Жизнь Имтеургина--старшего»: Однажды он (Горький) объявил во время завтрака присутствующим:

--А я всю ночь не спал, зачитался. Хорошая книжка «Жизнь Имеретдина--старшего» (виновата перед автором, если неверно пишу название). После похвалы Горького, разумеется, я прочитала эту книгу. Действительно интересная и хорошая..."

Имтехай у "собачьих людей"

(отрывок)

1. В пути

Большая четырехкопильная нарта до краев нагружена тяжелой кладью. Спереди привязана постель: медвежья шкура, собачье одеяло и мешок, набитый утиным пухом, -- подушка. Рядом лежат две кожаные сумы: одна с собачьим кормом и дорожной посудой, а другая с мясом, оленьими грудинками, языками, камусом и песцовыми шкурами. Сзади навалена тяжелая туша жирного оленя. Поверх груза сидят двое: казачий урядник Копандин и маленький чукча, сын Имтеургина -- Имтехай.

Мать у Имтехая загрызли волки, отца взял к себе в пастухи богат Эрмечин, Имтехая отдали в служение к Копандину.

Копандин одет в кухлянку из черных собачьих шкур. На голове у него песцовая шапка, а на ногах лоснятся торбаза, сшитые из темных оленьих камусов. Он подскакивает на нарте и, размахивая остолом, кричит:

-- Пестряк, нах! Соболька, кух! Поть! Поть!

«С собаками разговаривает, должно быть, еще и собачий язык знает, -- думает Имтехай. -- Из наших никто не умеет говорить с собаками».

Двенадцать собак, запряженных в нарту попарно, еще сильнее налегают на алыки. Нарта так и скользит вперед, подпрыгивая на снежных сугробах.

-- Вот как наши ездят! -- говорит Копандин, -- это не то, что ваши рогатые растопырки-олени.

Маленький Имтехай, одетый в потертую оленью рубаху, кивает головой и смотрит на своего хозяина: черная одежда плотно обтянула плечи и спину этого человека, будто густая шерсть выросла у него на теле.

«Совем как собака, очень похож», -- думает Имтехай.

Собаки бежали недолго: они устали. Короткие лапы стали мелькать все реже и реже.

Имтехай посмотрел на вытянутые головы собак и вывалившиеся изо рта кроваво-красные языки и сказал:

-- Ноги совсем близко ставят. Худо!

-- Что ты бормочешь? -- спросил по-чукотски Копандин. -- Собаки сильные, все на подбор. Что им эта нарта? Они все ваше стойбище с потрахами потащут.

И, пристав одной ногой на полоз, замахнулся остолом.

-- Поть! Поть! -- крикнул он и со всей силы стукнул по передку нарты.

-- Тяжело им, я лучше пешком пойду, -- сказал Имтехай и не дожидаясь ответа, соскочил с нарты. Он побежал по следам полозьев, проваливаясь в снег, падая и снова поднимаясь.

Вдруг над головами раздался свист и хлопанье крыльев. Это пролетела стая белых куропаток. Собаки взвыли и, подняв морды кверху, понеслись. Нарта помчалась вперед, за куропатками, поднимая тучу снежной пыли.

Имтехай остановился, посмотрел вслед и, повернувшись, побежал назад.

«Я в тундру пойду!» -- подумал он.

Но сзади раздался крик:

-- Стой, варнак, вернись!

Имтехай даже не оглянулся и еще быстрее поскакал по снегу.

-- Варнак! -- опять раздался крик. -- Вернись!

Это кричал Копандин. Он остановил упряжку и побежал за Имтехаем.

-- Стой! -- все кричал он. -- Стой!

За маленьким человеком в потертой оленьей рубахе гнался большой человек в собачьей одежде. Маленький оглядывался и скакал, как олень, высоко подпрыгивая вверх. А большой бежал за ним, как хромой бык, тяжело перебрасывая ноги. Вдруг большой споткнулся о снежную застругу и грохнулся на снег. И пока он встал, пока нагибался за откатившейся в сторону шапкой, Имтехай опять был далеко.

Тогда Копандин побежал обратно к нарте. Он повернул упряжку и, размахивая остолом, стал погонять собак.

Напуганные собаки бросились по своим следам и скоро догнали Имтехая.

-- Я убью тебя! -- закричал Копандин, соскочил с нарты, ударил Имтехая палкой по голове.

Имтехай как бежал, так и свалился на снег.

-- Получил посылку? -- сказал Копандин. -- Смотри, я теперь хозяин. Захочу -- бить буду, захочу -- повешу.

Он бросил Имтехая на нарту, крикнул на собак и снова поехал своей дорогой.

Имтехай лежал поперек нарты. Ноги и руки его водочились по снегу, оставляя за собой глубокие борозды. Долго он лежал так,

царапая снег. А когда открыл глаза, то увидел, что нарта едет по новым местам. Он не бывал здесь ни разу. Какие-то бугры тянутся по обеим сторонам. Впереди чернеет лес, а далеко позади белеет тундра. Широкая и ровная, она блестит на солнце, как большое озеро, засыпанное снегом.

-- Наши люди там остались, -- сказал Имтехай и громко заплакал. Слезы замерзли и ледяными шариками скатывались на дорогу.

Скоро день кончился. Копандин затормозил нарту остолом и закричал:

-- Стой! Стой!

Собаки только и ждали этого: они упали на снег и стали слизывать с пяток льдинки.

Люди разгребли сугроб и, натаскав сухого хвороста, зажгли костер. Над огнем повесили чайник, доверху наполненный снегом.

-- Теперь ты нарту в снег зарой, -- сказал Копандин, -- да поглубже. А то полозья ветром надует.

Имтехай оттащил нарту в сторону и втоптал полозья в снег.

Скоро вскипел чайник. Копандин снял его с огня и, наливая в чашку кипяток, стал пить, закусывая мороженой рыбой.

Имтехай отошел от него подальше и сел к нему спиной.

-- Ты зря не сиди, -- сказал Копандин. -- Вытащи из второй сумки еду для собак.

Имтехай развязал кожаную сумку и вытащил сухие рыбы головы и гнилую икру, положил их в полу рубахи и пошел к собакам. Проголодавшиеся за день собаки рванулись всей упряжкой к Имтехаю и, опрокинув его на снег, стали вырывать еду. Только и слушал Имтехай, как лязгали над самым его ухом собачьи клыки и как рычали озверевшие собаки, вырывая друг у друга рыбы кости.

«Только бы лицо не укусили», -- думал Имтехай и поглубже с головою, зарывался в снег.

Собаки быстро проглотили весь корм и, обнюхивая снег, стали подбирать крошки. Потом растянули упряжку в разные стороны, улеглись спать. Они прижали лапы к брюху, а морды уткнули в мохнатые хвосты.

-- Сколько зубов получил? -- засмеялся Копандин.

Имтехай ничего не ответил. Он молча стал пить из хозяйской чашки остаток чая и есть кусочки мороженой рыбы.

-- Как напьешься, -- сказал Копандин, -- натаскай сухих дров. Да и сиди тут и подкладывай в огонь дрова. Только смотри, чтобы всю ночь огонь горел.

Хозяин разложил у огня меховую постель и лег спать.

Имтехай принес сухих веток, бросил в костер. Огонь облизал их и затрещал, стреляя искрами. Толстый сук обгорел посередине и разломился надвое. Большой огонь подхватил один конец и заиграл весело, подбрасывая кверху разноцветные языки. Другой раздвоенный конец сука отскочил в сторону и, уткнувшись в снег зашипел.

Имтехай вздрогнул: ему показалось, что отброшенный в сторону конец сука заплакал по-человечьему. Он поднял его и, отряхнув от снега сказал:

-- Зачем плачешь? Может, ты играть хотел, а тебя в снег толкнули?

И, погладив раздвоенный конец сука, бросил его в огонь:

Долго сидел Имтехай у костра. Теплой постели у него не было. И он грелся, подставляя когню то один бок, то другой, поворачиваясь то спиной, то лицом. Когда костер начинал потухать, Имтехай соскакивал с места и шел в темноту искать дрова. Ломал сучья, кусты ерника и вытаскивал из-под снега валежник. Он не спал всю ночь. Устал. Глаза слипались, ноги гнулись сами собой, а он не мог заснуть: боялся холода. Всю ночь поддерживал огонь. Но перед утром он опрокинулся у горящего костра и засвистел носом.

Белая полоса поднялась из-за гор и вытеснила ночь. Имтехай проснулся от холода и открыл глаза. Костер уже потух, только красные угли сверкали, обгорелые головешки дымились едким дымом. Копандин, видно, тоже промерз. Он зашевелился в куче мохнатой одежды и, не высывая головы, заворчал:

-- Почему у тебя костер не горит?

Имтехай ничего не ответил, вздрагивая от холода всем телом и стуча зубами, он встал, отрехнул с ворота рубахи иней и пошел за дровами. Скоро костер загорелся снова, а над огнем закипел чайник. Несколько чашек обжигающего кипятка разогрели обоих.

Они приволокли нартук костру. Копандин перевернул ее и очистил полозья от снега. Потом налил в котелок теплой воды и, обмакивая мохнатый кусочик собачьего хвоста, стал им быстро водить по полозьям. Вода приморзла к полозу тонким и ровным слоем.

-- Полозья теперь ходкие будут, -- сказал Копандин и концом.

мокрого хвоста мазанул Имтехая по лицу.

Нарту поставили на полозья и стали собираться в путь. И пока Имтехай укладывал вещи, Копандин распутал упряжку. Он хватал собаку за хвост или за ногу и перебрасывал через потяг. Собаки летали по воздуху и, падая на снег, только вздрагивали. Когда собаки были распутаны, а вещи на нарте привязаны ремнями, Копандин дернул нарту за дугу и громко крикнул:

— Поть! Поца! Кух!

Собаки рванули алыки и, потряхивая мохнатыми хвостами, понеслись вперед.

Так начался второй день.

Долго ехали Копандин и Имтехай. По одну сторону от них тянулись кусты ерника и низкорослые деревья, по другую — оставалась тундра, большая и широкая, доходившая своим краем до неба. Потом они свернули вправо и въехали в лес. Высокие толстые деревья тянулись к облакам и кланялись верхушками.

На пути попадались озера, круглые и продолговатые, засыпанные снегом. По берегам росли большие кусты ивы, ольхи. Когда упряжка спускалась на лед реки, бежала по извилистому руслу и снова выкарабкивалась на высокий берег. Но больше ехали лесом.

Мороз был крепкий. От долгого сиденья ноги коченели и даже переставали гнуться суставы. Тогда люди слезали с нарты и молча шли пешком. Сначала они шли тихо, а когда ноги расходились, бежали все быстрее и быстрее. Копандин хватался за дугу нарты и вскакивал одной ногой в полоз. А Имтехай все время бежал сзади. Он часто проваливался в снег и падал. Снова вставал и снова бежал. Быстро разогревался и потел. Когда он садился на нарту, маленькие капельки пота застывали в мохнатой рубашке, замерзали и делали одежду колючей и холодной. Имтехай дрожал всем телом, опять слезал с нарты и бежал по следам полозьев. Сердце стучало у него в груди и, как бы поднимаясь кверху, затыкало горло. Темнело в глазах. Он хватал ртом холодный воздух, проглатывал его и снова бежал за нартой.

Много кустов, озер и рек проехали в этот день. Часто попадали в глубокий снег. Нарта проваливалась и бороздила настил, а собаки барахтались в снегу, как в воде.

-- Камус у вас короткий, -- говорил Имтехай собакам, -- куда вам бродить по такому снегу!

Людям приходилось еще хуже. По самую поясницу они брели в сугробы, подталкивая нарту. Никаких следов дороги нигде не было, только пооду лежал ровный, гладко облизанный ветром снег. Заметок на деревьях тоже не было, и упряжка двигалась сама по себе, выбирая дорогу между кустами и упавшими деревьями. Никто не обращал внимания на собак.

Собаки сами выбирали себе дорогу. За ними тянулись люди. Имтехай оглядывался и видел большие кусты ольхи и тальника, засыпанные снегом. Позади этих кустов стояли черной стеной высокие, тонкие деревья. Своими верхушками они заслоняли небо.

«Худо в лесу, — подумал он, — деревья все загородили. Глазам трудно сюда смотреть. А в тундре хорошо. Там далеко все видно!»

Много дней ехали Копандин и Имтехай. На ночь они останавливались в лесу, разводили большой костер и всю ночь просиживали у огня. Копандин не завертывался в мохнатое одеяло -- оно отсырело от дыхания и замерзло, -- а тоже садился у огня и так дремал всю ночь. Рано утром, когда край неба начинал белеть, они вылезли из сугроба, шатаясь от усталости, распутывали упряжку и двигались дальше.

-- Сегодня вечером дома будем, -- сказал однажды утром Копандин, присев на нарту, ударил остолом по передку.

2. Жители больших домов

Имтехай услышал вдруг большой шум. Раздавался какой-то топот и грохот, что-то непонятное и страшное было впереди. Он сначала притих, даже шапку надвинул на глаза. Но потом ему захотелось посмотреть, что же такое там шумит. Он сдвинул шапку с затылка и осторожно приподнялся на нарте. Сначала ничего не увидел: только деревья чернели впереди, да кусты толпились у тропы. Когда упряжка проехала еще два поворота, Имтехай увидел выходящие из-за леса высокие дома. Много было домов.

«Какие большие, -- подумал Имтехай, -- должно быть, тут большие люди живут».

Там у себя Имтехай видел домики разных тундровых жителей. На тонкой ветке тальника качался маленький домик, чуть больше человеческого наперстка. Там жила желтогрудая птичка. В другом домике, круглом, как чашка, жила белобокая утка. Она жила сначала одна, а потом их стало много: штук восемь детенышей

вывела белобокая утка. И все девять вместе с матерью жили в домике, который был как чайная чашка. Когда они улетали, то домик прикрывали травой, чтобы никто не знал, где живут утки. Но это маленькие жители. А вот и большие -- лисица и медведь. Лисица роет себе норку и там, под землей, живет всей семьей: мать и семь-восемь лисенят. Норка маленькая, можно только руку просунуть, но живет там большое семейство лисиц.

Самый большой зверь -- медведь. Под толстым деревом, в непроходимой чаще леса старик-медведь делает себе дом. Он роет глубокую яму, пол устилает мягким мхом, а вход затыкает охапкой сухого сена. И спит в теплом доме всю зиму на мягкой постели.

У людей дома тоже небольшие. У отца Имтехая шатер такой, что, входя в него, надо нагибаться. А когда ложились спать, то голова упиралась в одну стену, а ноги в другую. Самый большой дом у Эрмечина: он шит из шкур целого стада оленей. А вот таких домов, как эти, да еще построенных из толстых деревьев, Имтехай не видел никогда.

«Должно быть, тут большие люди живут, -- подумал он, -- больше медведя».

Он вспомнил еще, как отец рассказывал, что люди бывают разные. Одни -- совсем маленькие, такие, как белка. Они и одеваются в шкуры белки. Из передних лап шьют рукавицы, из задних -- сапоги, из головы -- шапку, а из самой шкуры -- штаны и рубаху.

Другие люди -- большие. Они такие большие, что надо на них смотреть, запрокинув назад голову.

«Может, тут такие большие живут? -- подумал опять Имтехай.

А упряжка несется все быстрее и быстрее, как будто гонится за зверем, который бежит впереди. Имтехай крепко прижался к нарте. Он боялся, как бы не вывалиться из нарты и не отстать от упряжки. Тогда его найдет какой-нибудь большой житель и съест. Он поворачивает во все стороны голову и, наставляя ухо, прислушивается. Где-то тут, рядом, лают собаки. Вместе с собачьим лаем долетают людские голоса. Совсем близко скрипят полозья нарты, должно быть, кто-то едет. Рубят дрова. Топор так и звенит по мерзлому дереву. Выколачивают шкуру. Громяхают пустой посудой. И снова лай и ворчание собак.

Вдруг замелькали по сторонам какие-то тени, имтехай увидел зверей, похожих на волков. Они перебежали через дорогу, как бы

высматривали, с какой стороны напасть на людей. Их было сначала штук пять-шесть. Потом прибежали еще. И тогда только Имтехай понял, что это большие собаки. Они вдруг зарычали и, оскалив зубы, набросились на упряжку. Копандинские собаки тоже зарычали и дружной сворой рванулись вперед. Целая куча мохнатых тел смешалась в кровавой схватке. Только ключья шерсти полетели во все стороны.

Копандин громко вскрикнул и, замахнувшись остолом, спрыгнул с нарт. Березовая палка с железным наконечником так и заходила по собачьим бокам и спинам. Сначала собаки не обращали внимания, а потом завизжали, заскулили и, потряхивая разорванными ушами, вывихнутыми лапами и окровавленными мордами, убежали прочь.

Пока хозяин бил собак, Имтехай смотрел на дом, который стоял рядом. Дом был большой, с плоской земляной крышей. На крыше стояли две треноги с длинными перекладинами. Тут висели старые кожаные обулки, рваные штаны и сопревшие голенища. Возле одежды болтались две связки каких-то мелких рыб, опутанные обрывками невода. Над связками кружились красноватые птицы. Они цеплялись клювами за сети и старались достать рыбу.

Рядом с треногами выглядывала широкая труба, плетенная из тонких жердей и обмазанная глиной. Она дымила жирной копотью, как будто палили на огне собачью кожу.

«Вот большой житель выйдет, -- подумал Имтехай, поглядывая на дом, — должно быть, страшный житель».

Имтехай оглядывался вокруг, но всюду видел только собак. Одна собака, белая с черной головой, с разбегу вскочила на крышу дома и, вытягиваясь на задних лапах, старалась достать рыбу. Она ворчала на птиц и нацеливалась на них своими острыми зубами. Птицы взлетали вверх, кружились и с раскрытыми клювами бросались на собаку.

От первого дома дорога шла ровная, гладко накатанная нартовыми полозьями. Разозлившаяся свора рычала и, сворачивая в сторону, бросалась на чужих собак. Копандин просовывал между копылами остол и тормозил упряжку. Но собаки с силой вырывали тормоз и с визгом и лаем неслись дальше.

Имтехай крепче прижался к нарте и все смотрел по сторонам. Влево и вправо от дороги стояли дома. Имтехай издали заметил что

у одного дома шевелится кто-то, одетый в черное. Будто встает и нагибается.

«Большой житель ходит. -- подумал Имтехай. -- вот теперь я его увижу».

Но когда нарта подъехала ближе, он увидел человека в длинной одежде. Человек рубил дрова. Стаскивая с воза деревья, он отрубал топором короткие чурбашки, потом раскалывал их надвое и складывал вместе.

«Какой маленький! Совсем как наш оленный человек. Но может, это ребенок больших жителей?»

Имтехай боялся даже думать о больших жителях, которые могут раздавить его, как утенка. Он еще раз посмотрел на этого человека.

«А может, здесь такие обыкновенные люди живут? Я таких не боюсь».

У другого дома кормились собаки. Серые, черные, пестрые, поджав хвосты и ворча друг на друга, они совали морды в корыто и ели. Около них стоял человек с палкой в руке и караулил, чтобы чужие собаки не отняли еду. Увидав Копандина, человек вдруг бросил палку и выбежал на дорогу.

-- С богом! -- сказал он, когда остановилась нарта. Копандин, стоя, стал с ним разговаривать.

«Нет тут, наверно, никаких больших жителей, только дома большие», -- подумал Имтехай.

Пока они стояли, бродившие вокруг чужие собаки бросились к корыту с едой. Началась драка. Визг и рычание наполнили вдруг всю окрестность. Человек громко вскрикнул и побежал разнимать собак.

Нарта спустилась к речке и остановилась у моста, поджидая, когда освободится дорога. С другой стороны ехал человек, сидя на большом хвостатом звере. Подъехав к мосту, он осадил зверя и слез с него. Взобрался на мост, потоптал по нему ногами. Тонкие жердинки, уложенные в ряд, раздвинулись и закачались. Человек попятился и, снова усевшись верхом своего зверя, свернул в сторону. Он переехал речку по глубокому снегу.

Когда дорога освободилась, упряжка снова тронулась в путь.

-- Сними шапку, -- вдруг сказал Копандин. -- тут бог живет.

И сам, сняв шапку, стал махать перед лицом руками.

Имтехай тоже снял шапку, и посмотрел на дом. Большой дом

громоздился на горе. Стены у дома широкие, крыша остроконечная, поднимается высоко-высоко. А на самой верхушке огнем горит золотая палка с поперечиной.

-- Крестись, -- сказал Копандин и локтем толкнул Имтехая в бок. -- Поклонись!

Имтехай опустил голову и увидел изгородь, которая окружала дом. Между изгородью и домом теснились, как деревья в густом лесу, плоские палки с прямыми и кривыми поперечинами. Какие-то женщины в длинных одеждах ходили тут и, прижимая к глазам белые и красные тряпки, кричали разными голосами. А перед ними расхаживал толстый человек в золотой одежде, размахивая чем-то дымящимся и пел громким голосом.

«Должно быть, бог ходит», -- подумал Имтехай и еще раз поклонился.

А бог поворачивался то задом, то передом и важно шагал по снегу. Сам он был толстый, с большим брюхом, совсем как человек. Только лицо мохнатое: обе щеки, верхняя и нижняя губа и подбородок -- все обросло темной шерстью. Длинные волосы спускались на грудь.

Копандин еще раз помахал руками перед своим лицом, надел шапку и тронул упряжку. Скоро подъехали к дому хозяина: он был выше, почти вдвое шире других домов и с четырьмя треногами наверху. Из дома выбежали двое ребятишек.

-- Тятя приехал, тятя приехал! -- закричали они и запрыгали от радости. Они прижимались котцу, топтались возле нарты и тыкали кулаками в бокастые сумы.

Вслед за ребятишками вышла женщина с красноватыми волосами. Она тоже заторопилась, забегала туда-сюда и, подняв длинную палку, столкнула с трубы меховую затычку. Потом схватила охапку дров, которые валялись тут же, у входа, и скрылась в избе. Скоро из толстой мазаной трубы повалил густой дым.

Со всех сторон прибежали люди. Они были ростом такие же, как и тундровые, но с мохнатыми лицами. Большие, круглые глаза так и ворочались туда и сюда, должно быть, осматривали оленью тушу, лежавшую на нарте, кожаные сумы, туго набитые шкурами зверей, мешки с мясом.

Имтехай попятился от них и перешел на другую сторону нарты.

Толстый человек с короткими ногами подошел к нарте ближе всех. -- Здравия желаем! -- сказал он и протянул руку. Копандин схватил его руку и потряхнул несколько раз.

-- Здравствуй, Коротконогий, -- сказал он.

Коротконогий был одет в серую одежду, а на голове у него сидела черная шапка, вроде обгорелой кочки. Из-под шапки блестели глаза, белые, как ледышки. А нос был большой, как сжатый кулак, с синими жилами на конце.

Имтехай стоял с открытым ртом и долго смотрел на этих людей: хоть и понял, что тут нет никаких больших жителей, но все-таки эти люди удивляли его.

-- Чего рот разинул! -- вдруг крикнул на него Копандин. -- Иди помоги!

Коротконогий, Имтехай и какой-то тощий человек, вроде палки, втроем внесли в избу оленью тушу. Потом перетаскали в амбар сумы и мешки, привезенные из тундры.

Собак отпустили на волю. Высоко задрав хвосты, они стали бегать друг за другом, перепрыгивая одна через другую и катались на снегу.

Имтехай убрал потяг с алыками, а нарту оттащил за избу и там закопал в снег. Потом присел на дрова, сложенные у входа в избу. Он все время посматривал на двери. Войти боялся, а звать -- его никто не звал. Так и сидел он до тех пор, пока не стемнело. Было ему холодно и хотелось есть. Он вспомнил тундру. Далеко она осталась, эта родная земля. Там ходят олени стада, а возле одного стада ходит его отец -- старый Имтеургин.

-- Вот пойду обратно, -- сказал Имтехай. -- Убегу!

Дорога в тундру была длинная и холодная. Густые леса, широкие озера и высокие горы отделяли тундру от мохнатолицих людей. Но не это пугало Имтехая: он боялся темной ночи, когда просыпаются злые духи, да голода, который сосет внутри. Так сидел и думал: бежать или не бежать? Доберется он до своего стойбища или не доберется?

-- Может, попробую?

Итехай поднялся, чтобы идти обратно в тундру, но вдруг открылась дверь и вышел Копандин.

-- Чего уселся? -- сказал он. -- Иди в дом.

Имтехай вошел в дверь.

Светло в доме, тепло. Большой огонь горит, полыхает в углу. У коло огня женщина возится с посудой. Она варит какую-то хорошую еду. Вкусный запах так и щекочет ноздри. На переднем месте едят люди и разговаривают на своем языке. Копандин тоже стал с ними разговаривать.

Имтехай прижался в углу, постоял, посмотрел вокруг. Потом снял себя мохнатую рубаху и штаны, положил на пол и уселся на них. Хозяйка принесла гостям разную еду и положила перед ними на чужую доску, стоявшую на четырех ногах. Люди уселись вокруг костра и, громко разговаривая, стали есть и пить. Когда кончили, встали и, повернувшись в угол, ткнули себя в лоб тремя пальцами, сложенными вместе. Потом ткнули себя в брюхо. Еще стукнули по правому и левому плечу, поклонились и потрясли за руки Копандина, его жену и ребят. Еще раз поклонились, крикнули и, надев шапки, вышли из дому.

Имтехай посмотрел в угол, куда кланялись люди. Там никого не было. Только высоко, под самым потолком, висела доска. На доске Имтехай разглядел женщину с голым ребенком и безволосого человека.

-- Ты чего на бога уставился? -- сказал Копандин. -- Лучше съешь зот это!

И дал ему еды, похожий на глину. Имтехай пожевал его и выплюнул.

-- Плохая еда, -- сказал он.

-- Дурной, -- сказал Копандин, -- это хлеб. Самая дорогая еда. Его издалека привозят.

-- Пускай, -- сказал Имтехай, -- у нас такую не едят.

-- Тогда рыбу ешь, -- сказал Копандин и бросил ему рыбий хвост.

Тут подошла к Имтехаю девочка и показала ему кусок мяса. Он хотел взять кусок. Она спрятала его за спину, потом снова протянула. Имтехай рассердился и отвернулся. Тогда девочка подскочила к нему, сунула в рот кусок мяса.

«Все-таки она не жадная», -- подумал Имтехай и опять повернулся к ней лицом.

Так началась жизнь Имтехая у «собачьих людей».

Тэки Одулок со студентами института народов Севера.

Тэки Одулок среди друзей во время охоты.

Почтовая карточка

103132, Москва, К-132 Старая пл. 4

ЦК КПСС

Куда: Якутская АССР

пос. Зырянка

РК КПСС

Кому: Москвиной Г.

Уважаемая тов. Москвина Г.!

Сообщаем, что Ваше письмо получено и направлено на рассмотрение в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов.

По поручению Комиссии

Политбюро ЦК КПСС

25 сентября 1990 г.

подпись

**Коммунистическая партия Советского Союза
Контрольно-ревизионная комиссия Ленинградской
областной организации**

193060, Ленинград, Смольный
Телефоны: 278-11-41, 278-11-88

№ 140-1332
19 декабря 1990

Верхнеколымский райком КПСС

678770, пос. Зырянка,
Якутской АССР

На № 108 от 12 ноября 1990 года

Сообщаем, что Спиридонов Николай Иванович, 1906 года рождения, уроженец реки Ясачная, Верхнеколымского района, член партии с июля 1925 года, партбилет № 1143078, постановлением бюро Ленинградского обкома КПСС от 23 сентября 1958 года в партийном отношении реабилитирован (посмертно). Решение Дзержинского райкома ВКП(б) г. Ленинграда от 20 мая 1937 года об исключении Спиридонова Николая Ивановича из членов партии отменено.

Из документов видно, что Спиридонов Н.И. был командирован Якутским ЦИК в Ленинградский Университет, окончил его, защитил диссертацию (кандидат экономических наук) и работал в Союзе советских писателей.

*Первый заместитель председателя контрольно-ревизионной
комиссии Ленинградской областной организации КПСС
А.Горячкин.*

**Комитет Государственной безопасности СССР
Управление по Ленинградской обл.**

8 октября 1990 г.

№ 10/18-И-15045

г. Ленинград

**Секретарю Верхнеколымского
РК КПСС т.Москвиной Г.С.**

**678770, Якутская АССР, Верхнеколымский район,
п. Зырянка, ул. Ленина 13.**

На Ваш № 90 от 5 сентября 1990

Сообщаем Вам сведения, имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области о юкагирском писателе Спиридонове Н.И., необоснованно репрессированном в г. Ленинграде в 1938 году

Спиридонов Николай Иванович, 22 мая 1906 года рождения, уроженец реки Ясачная, Верхнеколымского р-на, Якутской АССР, юкагир, гр-н СССР, до ареста проживал по адресу: г. Ленинград, пр. Карла Либкнехта, дом 16/1, кв. 18 и работал детским писателем в «Детгиз»-е (член Ленинградского отделения Союза писателей).

Арестован 30 апреля 1937 года Управлением НКВД по Ленинградской области по ложному обвинению в том, что он «в 1927 г., проживая в г. Хабаровске, был завербован в японскую контрреволюционную, шпионско-повстанческую организацию. Собирали и передавал для японской разведки шпионские сведения. Проводил контрреволюционную работу по подготовке кадров для активных повстанческих действий против Соввласти во время войны Японии с СССР. Проводил контрреволюционную пропаганду», т.е. по статьям 58-б, 58-2, 58-11 УК РСФСР. В предъявленном обвинении виновным себя признал.

8 января 1938 года Спиридонов Н.И. был приговорен Военным трибуналом Ленинградского военного округа к ВМН. 16 марта 1938 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР после пересмотра дела вышеуказанный приговор оставила в силе.

Приговор был приведен в исполнение в гор. Ленинграде 17 марта 1938 года.

Как установлено, жертвы репрессии 30-40-х и начала 50-х годов,

имевших место в г. Ленинграде и области, с июля 1937 года захоранивались на «Левашовской пустоши» под Ленинградом (пос. Левашово, Выборгского р-на г. Ленинграда). В настоящее время указанное место захоронения по решению Исполкома Ленгорсовета объявлено мемориальным кладбищем и там начато производство работ по благоустройству и увековечению памяти жертв сталинских репрессий»

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР № 00148/38 от 29 октября 1955 года Спиридонов Н.И. реабилитирован посмертно--за отсутствием в его действиях состава преступления.

В ходе проведенной дополнительной проверки по его делу установлено, что оно строилось на основании противоречивых показаний обвиняемого, полученных противозаконными методами. Лица, причастные к фальсификации следственных дел указанного периода, были осуждены в уголовном порядке.

Согласно существующего порядка, Вы можете запросить справку о реабилитации Спиридонова Н.И. в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, указав номер и дату их Определения о реабилитации (их адрес: 121260, г. Москва, ул. Воровского, дом 15).

Начальник Подразделения УКГБ СССР
по Ленинградской области

А.Н. ПШЕНИЧНЫЙ

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

22 ноября 1990

№ 00148/р-38

**Верхнеколымский районный комитет КПСС
пос. Зырянка, Якутской АССР**

Согласно запросу направляется ксерокопия определения Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 октября 1955 года в отношении Спиридонова Николая Ивановича, 1906 года рождения, о его реабилитации.

Приложение: ксерокопия определения на 8 листах--
только адресату.

*Начальник отдела Военной Коллегии
Верховного Суда СССР В.ШЕЛКОВОЙ*

**Тэки Одулоку
Верховный Суд Союза ССР
Определение номер 0014838**

**Военная коллегия Верховного Суда
СССР**

В составе. Председательствующего полковника юстиции Артюхова
членов: подполковников Юстиции Жевеленко и Иваненко
рассмотрев в заседании от 29 октября 1955 г.

**Заключение Главного Военного прокурора по делу
Спиридонова Николая Ивановича и других**

По приговору Военного трибунала Ленинградского Военного округа от 7-8 января 1938 года

1. Спиридонов Николай Иванович, 1906 года рождения, уроженец реки Ясачная, Верхне-Колымского района, Якутской АССР.

2. Кошкин Ян Петрович, 1900 года рождения, уроженец гор. Риги.

3. Форштейн Александр Семенович, 1904 года рождения, уроженец гор. Марсель (Франция)

4. Блок Евгений Вячеславович, 1879 года рождения, уроженец ст. Ярцево, Западной области--

признаны виновными по ст.ст. 58-2, 58-6 и 58-11 УК РСФСР и приговорены к ВМН--расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества каждый.

5. Пересвет-Салтан Валентин Цезаревич, 1892 года рождения, уроженец города Варшавы--

приговорен к ВМН--расстрелу с конфискацией всего ему принадлежащего имущества.

6. Сукоркин Иван Степанович, 1906 года рождения, уроженец гор. Самары.

7. Шавров Кирилл Борисович, 1899 года рождения, уроженец города Москвы.

8. Крейнович Ерухим (он же Юрий) Абрамович, 1906 года рождения, уроженец г. Невель, Западной области--

признаны виновными по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР и приговорены к 10 годам лишения свободы, с поражением в политических правах на 5 лет каждый.

9. Иванов Иван Иванович, 1883 года рождения, уроженец деревни Коньлово, Островского района Ленинградской области--

признан виновным по ст. 58-6 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к 10 годам лишения свободы, с поражением в политических правах на 5 лет.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 16 марта 1938 года высшая мера наказания--расстрел осужденным Форштейну и Блок заменена десятью годам лишения свободы, с поражением в политических правах на 5 лет, с конфискацией всего имущества. В остальном приговор оставлен без изменений.

После отбытия наказания по приговору от 7-8 января 1948 года, Крейнович Ерухим (он же Юрий) Абрамович был вновь арестован и по Постановлению Особого Сопещения при Министре Государственной Безопасности Союза ССР от 13 апреля 1949 года сослан на поселение в Красноярский край.

Заслушав доклад тов. Иваченко и заключение помощника Главного Военного Прокурора-подполковника юстиции тов. Нестерова, полагавшего с заключением Главного Военного прокурора согласиться,

Установила:

По приговору признаны виновными:

а) Кошкин, Спиридонов, Пересвет-Салтан, Форштейн и Блок в том, что они являлись активными участниками контрреволюционной повстанческой, шпионской организации, связанной в своей контрреволюционной деятельности с японскими разведывательными органами; вели подготовку к вооруженному восстанию проти

Советской власти с целью отторжения Дальневосточного края от Советского Союза; осуществляли шпионскую деятельность в пользу Японии, причем Спиридонов и Пересвет-Салтан были непосредственно связаны с агентами японской разведки; кроме того, Пересвет-Салтан от японской разведки принял задание по организации диверсионной деятельности на территории СССР и контрреволюционную работу проводил до 1937 года;

б) Сурукин, Шавров и Крейнович в том, что они разделили контрреволюционные взгляды других подсудимых, проводили контрреволюционную пропаганду и были осведомлены о контрреволюционной деятельности участников повстанческой организации.

в) Иванов в том, что он разделял контрреволюционные убеждения Пересвет-Салтана и по предложению последнего, начиная с 1933 года сообщал ряд известных ему сведений оборонного характера.

В своем заключении Главный Военный прокурор ставит вопрос об отмене приговора Военного трибунала Ленинградского Военного округа от 7-8 января 1938 г., кассационного определения Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 16 марта 1938 года и Постановления Особого Сопевщания при министре Государственной Безопасности Союза ССР от 13 апреля 1948 года по следующим основаниям:

Из материалов дела, а также материалов дополнительной проверки видно, что первым из осужденных был арестован Спиридонов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в справке на арест Спиридонова, на которой имеется санкция прокурора, указано: «По агентурным данным известно, что Спиридонов, проживая в Якутии, являлся одним из участников убийства ответственного партийного работника-председателя Комитета Народов Севера тов. Лукс» (л.д. 3 том 1)

Это обстоятельство характерно в том отношении, что впоследствии Лукс в деле стал фигурировать как организатор и руководитель контрреволюционной организации.

Кошкин, Сукоркин, Форштейн, Шаврови Крейнович арестованы на основании показаний Спиридонова о том, что все они являлись участниками контрреволюционной организации (л.д. 113 том 1).

Пересвет-Салтан, Блок и Иванов арестованы по другим делам, а в последствии материалы были соединены в одно производство (л.д. 67 том 1).

Как видно из материалов дела, обвинение Спиридонова, Пересвет-Салтана, Кошкина, Сукоркина, Шаврова, Крейновича, Форштейна, Иванова и Блока основано исключительно на их собственных показаниях и, главным образом, на показаниях Спиридонова. Все эти показания противоречивы, нелогичны, составляют собой сплошную путаницу и поэтому не могут являться достоверными доказательствами виновности осужденных.

Вначале на допросе 15 мая 1937 года Спиридонов категорически отрицал свое участие в контрреволюционной организации, а затем заявил, что с 1927 года он является участником контрреволюционной националистической организации, в которую его вовлек бывший председатель Дальневосточного Комитета Народов Севера Лукс. На этом же допросе списочным порядком он назвал 17 известных ему, со слов Лукса, участников организации (том 1, л.д. 12-15).

Показания Спиридонова о Луксе находятся в противоречии с мотивировкой причин ареста Спиридонова (л.д. 3 том 1).

В результате дополнительной проверки установлено, что показания Спиридонова о создании Луксом контрреволюционной организации и о связях Спиридонова и Лукса с японской разведкой не подтвердились (том 3 л.д. 114, 146 и материалы в отдельном пакете).

По сведениям Центрального Государственного архива РСФСР Дальнего Востока Лукс Карл Янович еще в 1904 году начал активную революционную деятельность, за что неоднократно подвергался арестам со стороны царских властей.

Во время гражданской войны и иностранной интервенции Лукс активно боролся против белогвардейцев и японских интервентов, занимая ответственные должности, вплоть до начальника штаба Восточно-Забайкальского фронта и Командующего этим фронтом.

Впоследствии Лукс проводил большую работу по строительству Советской власти, национальной культуры и развитию народного хозяйства в районах Дальневосточного края, населенных малыми народностями (л.д. 150-155 т.3).

Допрошенный в процессе проверки бывший член Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, ныне директор Государственного музея Этнографии народов СССР Суслов И.М. охарактеризовал Лукса как одного из активнейших членов Комитета Севера, неутомимого работника, проводившего в жизнь политику Коммунистической

партии и Советской власти по национальному вопросу на Севере и погибшего в Экспедиции в 1932 году (л.д. 49, 56-69 том 3). Это подтверждается также показаниями свидетелей Сергеева, Аврорина и Ковязина, допрошенных в процессе проверки.

Таким образом, показания Спиридонова о том, что Лукс создал контрреволюционную организацию и являлся руководителем этой организации--материалами дополнительной проверки не подтвердились.

Несостоятельными являются показания Спиридонова о составе контрреволюционной организации. Так, арестованные на основании показаний Спиридонова, как участники контрреволюционной организации Прятков и Цинциус категорически заявили, что им ничего не известно о существовании такой организации, и дела в отношении Прятковой и Цинциус были впоследствии прекращены по тем основаниям, что показания Спиридонова неконкретны и противоречивы (том 3, л.д.85-87).

Названные Спиридоновым как участники контрреволюционной организации Орлова, Каргер, Брюханов, Чернецов, Селезнев, Тидневский, Леванов и Кавелин также арестам не подвергались.

Несостоятельным является утверждение Спиридонова и о том, что Лукс поручал ему сбор сведений о состоянии дорог на Дальнем Севере, о количестве оленей, численности и размещении населения, необходимых ему, якобы, для передачи японской разведке, так как Лукс являлся Председателем Дальневосточного Комитета Севера, и все эти данные ему были известны.

В показаниях Спиридонова имеются и другие противоречия. На предварительном следствии он показал, что в контрреволюционную организацию был вовлечен Луксом (том 1, л.д. 12, 15), а в суде он заявил, что его в организацию втянул Кошкин (л.д.206, том 2).

На допросе 15 мая 1937 года Спиридонов назвал Крейновича участником контрреволюционной организации и заявил, что об этом ему известно со слов Лукса (л.д.15, том 1).

На допросе 15 декабря 1937 года о Крейновиче Спиридонов дал иные показания и заявил:

«В контрреволюционную организацию он был завербован Кошкиным... о чем мне говорил лично Кошкин... Я лично имел с Крейновичем неоднократно разговор на контрреволюционные темы (том 1, л.д.43), а в судебном заседании он показал, что он лично с

Крейновичем вообще не сталкивался» (л.д. 201, том2).

По изложенным основаниям показания Спиридонова, о существовании, составе и деятельности контрреволюционной организации, в принадлежности к которой были обвинены осужденные по настоящему делу Кошкин, Пересвет-Салтан, Сукоркин, Крейнович, Форштейн, Иванов, Блок и сам Спиридонов, не могут являться достоверным доказательством.

Осужденный Пересвет-Салтан в своем заявлении от 24 августа 1937 года признал себя участником контрреволюционной организации, связанной с японскими разведывательными органами (л.д. 79, том 1). Однако на допросе 1 сентября того же года он заявил, что контрреволюционной деятельностью не занимался. Затем на том же допросе он снова признал себя участником организации и в числе членов этой организации назвал Блока и Иванова, которого он лично завербовал в организацию, а также показал, что по контрреволюционной работе он был связан с японцем Огава, которому он передавал сведения шпионского характера.

В судебном заседании Пересвет-Салтан виновным себя не признал и от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался. При этом он заявил, что показания давал под диктовку следователя, который применял к нему психическое и физическое воздействие. О лицах, названных в его показаниях, Пересвет-Салтан показал: «Я выставил их контрреволюционерами ложно. Фигурирующий в моих показаниях японец Огава--лицо вымышленное. Подсудимого Иванова в контрреволюционную организацию не вербовал (том 2, л.д. 199 и 208).

Материалами проверки участие Пересвет-Салтана в контрреволюционной организации, его шпионская деятельность и связь с японцем Огава не подтвердились (том 3, л.д. 140, 143 и материал в отдельном пакете).

Кошкин Я.П. на допросе (протокол без даты--том 1, л.д. 125), а также на очной ставке со Спиридоновым 3-го августа 1937 года (том 1, л.д. 127-129) свое участие в антисоветской организации категорически отрицал.

На следующем допросе Кошкин показал, что он является участником контрреволюционной организации, созданной бывшим Председателем Комитета Севера при Президиуме ВЦИК Смидовичем П.Г., при этом в числе этой организации Кошкин назвал Сулова И.М.,

который никогда не арестовывался и в настоящее время работает директором музея этнографии народов СССР.

Впоследствии на допросе и на очной ставке со Спиридоновым 1 декабря 1937 года Кошкин от своих показаний отказался и заявил, что он в контрреволюционной организации не состоял и антисоветской деятельностью не занимался.

В судебном заседании Кошкин виновным себя также ни в чем не признал и заявил суду, что следователь непрерывными допросами в течение двух с половиной месяцев довел его до галлюцинации и применял к нему физические меры воздействия (л.д. 198, 199, 203-204, 207 том 2).

Допрошенные в процессе дополнительной проверки свидетели Цинциус, Сулов, Аврорин, Терещенко, Таланова, Антонышев и Ольдерогге, работавшие вместе с Кошкиным, характеризовали Кошкина в целом положительно и заявили, что им ничего не известно о его контрреволюционной деятельности (л.д. 38, 69, 88, 100 том 3).

Показания Сукоркина непоследовательны, неконкретны и противоречивы. Вначале он свое участие в контрреволюционной организации отрицал. Затем заявил, что в контрреволюционную организацию он был вовлечен неким Дубовым и с Кошкиным по контрреволюционной деятельности связи не имел. (л.д. 10-12 том 2). Впоследствии он показал, что в контрреволюционную организацию был вовлечен Кошкиным (л.д. 19 том 2).

На очной ставке со Спиридоновым Сукоркин показал, что с ним он был связан по контрреволюционной работе, а в суде заявил, что на очной ставке со Спиридоновым он наговорил много лишнего (л.д. 23, 197-199 том 2).

На предварительном следствии Форштейна Сукоркин назвал в числе участников контрреволюционной организации, а в суде заявил, что он Форштейна вообще не знает (л.д. 21, 197-199 том 2).

На предварительном следствии Шавров показал, что он передавал Луксу шпионского характера сведения, предназначенные для японской разведки, а в суде он же заявил, что Лукса он информировал по тем данным, которые были опубликованы в печати и о связи Лукса с японской разведкой ему ничего не известно (л.д. 40-43, 205-206 том 2).

Осужденный Крейнович в написанном им заявлении (безуказания

Осужденный Крейнович в написанном им заявлении (без указания даты) признал себя участником контрреволюционной организации, состоявшей из Жукова, Кошкина, Каргера, Чернякова и Чуковского Николая (л.д. 64 том 2).

На допросе 21 июля 1937 года Крейнович вначале категорически отрицал свою принадлежность к контрреволюционной организации. Отрицал он это и на очной ставке с Жуковым. Затем на том же допросе показал, что он является участником контрреволюционной организации, в которую был вовлечен Жуковым (л.д. 66-71 том 2).

В судебном заседании Крейнович виновным себя не признал, от показаний, данных на предварительном следствии, отказался и заявил, что они были даны по принуждению и под диктовку следователя.

Форштейн на допросе 9 июня 1937 года показал, что контрреволюционная группа в Институте народов Севера возникла в 1931 году, а в судебном заседании он виновным себя не признавал и заявил, что показания, данные им на предварительном следствии, являются вынужденными (л.д. 103, 204-205, 208 том 2).

Блок Е.В. и Иванов И.И. на предварительном следствии также дали неконкретные показания о своей принадлежности к контрреволюционной организации.

В судебном заседании Блок заявил, что на предварительном следствии он подписал протокол, составленный следователем, ввиду того, что последним он был введен в заблуждение. Далее Блок показал, что он никакой контрреволюционной работой не занимался и все обвинения, предъявленные ему, не соответствуют действительности (л.д. 202-204).

Иванов в судебном заседании показал, что на предварительном следствии признавал себя виновным только потому, что не хотел затягивать следствие, хотя в контрреволюционной организации не состоял и о существовании такой даже не знал (л.д. 203-206 том 2).

Осужденный Крейнович после отбытия наказания 28 декабря 1948 года вновь был арестован и 13 апреля 1949 года по тем же материалам Особым Совещанием при бывшем МГБ СССР сослан на поселение (архивно-следственное дело 273395 л.д. 3-10, 73-74).

В своих жалобах и на допросах при дополнительной проверке Крейнович указывает, что в процессе предварительного следствия к нему применялись меры физического и морального воздействия,

ввиду чего он вынужден был подписать составленные следователем протоколы. Об этом же заявили в суде Кошкин, Пересвет-Салтан, Форштейн и Блок.

Таким образом, из материалов дела и дополнительной проверки видно, что Спиридонов, Пересвет-Салтан, Кошкин, Сукоркин, Шавров, Крейнович, Форштейн, Иванов и Блок осуждены неосновательно.

В соответствии с изложенным, прокурор в заключении указывает, что приговор Военного Трибунала Ленинградского Военного округа от 7-8 января 1938 года, Определение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 16 марта 1938 года в отношении Спиридонова, Пересвет-Салтана, Кошкина, Сукоркина, Шаврова, Крейновича, Форштейна, Иванова и Блока, а также Постановление Особого Совещания при бывшем МГБ СССР от 13 апреля 1949 года подлежат отмене, а дело прекращено за отсутствием в действиях осужденных состава уголовного преступления.

Рассмотрев материалы дела и соглашаясь с доводами Главного Военного Прокурора, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР,

определила:

Приговор Военного трибунала Ленинградского Военного округа от 7-8 января 1938 года, Определение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 16 марта 1938 года в отношении Спиридонова Николая Ивановича, Пересвет-Салтана Валентина Цезаревича, Кошкина Яна Петровича, Сукоркина Ивана Степановича, Шаврова Кирилла Борисовича, Крейновича Ерухима (он же Юрий) Абрамовича, Форштейна Александра Семеновича, Иванова Ивана Ивановича и Блока Евгения Вячеславовича, а так же Постановление Особого Совещания при бывшем МГБ СССР от 13 апреля 1949 года в отношении Крейновича Юрия Абрамовича по вновь открывшимся обстоятельствам, ранее не известным суду и свидетельствующим о невинности осужденных за отсутствием в их действиях состава преступления—ОТМЕНИТЬ и дело о них в уголовном порядке ПРЕКРАТИТЬ. Крейновича Ерухима (он же Юрий) Абрамовича из ссылки немедленно освободить.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: офицер Военной коллегии капитан юстиции

БОГАЧЕВ.

отпеч. 15 экз.
1-нп
2, 3, 4, 5, 6, 7,
8, 9, 10, 11,--вт
12--1 с/о
13-14-00
15-гвп
отп. Золотова
4.11.1955г.
24133

Портретный взор твой раскосых глаз,
Чей взгляд приковывает черный,
И мысли, чей очаг давно погас,
Рождают вновь в душе священный трепет,
ТЭКИ.

И это имя знает каждый юкагир,
Ты стал известен среди других народов,
Ты веши к просвещенью проложил,
Ты--Млечный путь на черном небосводе,
ТЭКИ.

Нас мало, но объединились мы
Под именем твоим, ТЭКИ!

Библиография Н.И.Спиридонова--Тэки Одулока.

1. В колымской тайге // Красная газета (веч.) №104, 1929. 25 апреля. (в соавторстве с Мирман С.)
2. Внимание юкагирам // Советская Якутия. №3, 1930. С. 111-118 (подписано Н.Одулок)
3. Гость в тундре // Голубые горы: Рассказы писателей Севера--Л., 1985. С. 66-74
4. Жизнь Имтеургина--старшего.--Л., 1934.
5. То же--Л., 1935
6. То же--Минск, 1935 (на польском языке)
7. То же--Минск, 1935 (на бел. языке)
8. То же--М.-Л., 1936
9. То же--Минск, 1936 (на лит. языке)
10. То же--М., 1936
11. То же--Якутск, 1966 (на як. языке)
12. То же--Якутск, 1976
13. То же // Второе рождение: Произведения зачинателей литературы народов Севера и Дальнего Востока--М., 1983
14. То же; На Крайнем Севере: [Очерк]//Тэки Одулок. Николай Тарабукин. Джанси Кимонко--Якутск, 1987
15. Имтехай у «собачьих людей» // Пионер №3, 1937
16. Имтехай у «собачьих людей» // Творчество народов Дальнего Севера--Магадан, 1958
17. К образованию Юкагирского района // Советская Якутия. №3, 1929 (подписано Н.Одулок)
18. Карта и пути сообщения верховьев р.Колымы // Советская Якутия. №3, 1930 (подписано Н.Одулок)
19. Луна в рубаху оделась // Уважаемые дети: Сб.--Л., 1989. С. 73-83
20. Люди в снегу // Таежные родники: Сб.--Хабаровск, 1970. С. 28-54
21. На Крайнем Севере--М., 1933
22. То же--М., 1933. 2-е изд.
23. То же--Якутск, 1959
24. Одулы (юкагиры) Колымского округа // Советский Север

№5, 1930. С. 166-214

25. Охота в Колымском округе ЯАССР // Охотник и пушник Сибири. №4, 1927

26. Портрет Ленина // Хотугу сулус. №5, 1969 С. 72-73 (на як. языке)

27. Продолжаю свой удавшийся опыт // Полярная звезда №3, 1986 С.69-70

28. То же // Чолбон. №5, 1991 С. 91-92 (на як. языке)

29. Три белки за коробку спичек // Охотник и рыбак Сибири. №6, 1929

30. Тяжелая жизнь Имтехая // Хотугу сулус №4, 1959 С. 85-93 (на як. языке)

31. Юкагирский язык // БСЭ--М., 1931

32. Юкагиры // БСЭ--М., 1931

Подготовлено Шадриным В.И.